

**К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ
ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА ПРОМЫШЛЕННЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ СЛУЖАЩИХ ЗОЛОТЫХ ПРОМЫСЛОВ
В СИБИРИ)**

В законодательстве Российской Империи долгое время отсутствовали специальные законы, касавшиеся правового положения и социальной защиты слоя технических специалистов. Подобное положение дел во многом обуславливалось меньшей численностью прослойки служащих по отношению к рабочим в промышленных заведениях в целом и на золотых промыслах, в частности. Только в начале прошлого столетия стали выходить первые законопроекты, регулировавшие безопасность труда рабочих, а также части служебного персонала на производстве. В 1903 г. были приняты «Правила о вознаграждении потерпевших от несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности». Правила являлись первым законодательным актом по социальной защите служебного контингента на различного рода промышленных заведениях, в том числе и на золотых промыслах. По этим правилам рабочим и служащим, получившим не по своей вине травмы на производстве, выплачивалось от владельцев промышленных предприятий денежное вознаграждение. Закон распространялся не на все категории служащих, а только на те, чье годовое жалованье не превышало 1500 руб. [1]. Под защиту этого закона попадало большинство приисковых служащих Западной Сибири и часть служащих на золотых промыслах Восточной Сибири, кроме высокопоставленных представителей приисковой администрации.

Все работники, по данному законодательству, делились по возрастному признаку и в зависимости от своего возраста получали пенсии. Наибольший размер пенсии наблюдался у лиц в возрасте от 20 до 30 лет: минимальная выплата равнялась 16,87 руб., максимальная достигала 18,29 руб. за год. Чем старше был возраст пострадавшего, тем меньше составляла выплата за полученные им увечья [2].

В 1912 г. вступил в силу новый закон «О страховании рабочих

от несчастных случаев» [3]. Закон касался предприятий, в том числе и горных, где находилось на производстве не менее 20 рабочих. Действия закона по-прежнему распространялись на наемных работников и служебный персонал предприятий, чей годовой оклад не превышал 1500 руб. Основные требования закона сводились к следующим положениям. Все рабочие и служащие предприятия должны были быть в обязательном порядке застрахованы от несчастных случаев в страховых товариществах, выдававших вознаграждения пострадавшим лицам. Страховые вознаграждения имели следующие виды: пострадавшему – в виде пособия или пенсии, а членам семейства пострадавшего – в виде пенсии. Пенсии назначались в случаях при полной утрате способности к труду – в размере 2/3 от годового содержания пострадавшего, а при неполной – в размере двух третей годового содержания, соответствовавших степени утраты трудоспособности [4].

Подобные законы так и не успели сыграть в жизни приисковых служащих той роли, которую им отводили инициаторы этих законопроектов. Во многом причина такого положения скрывалась в специфических условиях Сибири, где в силу сложившихся исторических обстоятельств гораздо большей властью в социальной области жизни всего общества обладали традиции и обычаи, чем юридическое право.

Местная периодическая печать, на страницах которой проблемы золотой промышленности занимали одно из главных мест, не могла остаться в стороне и по вопросу необходимости страхования и создания специальных пенсионных касс приисковых служащих. Многие сибирские газеты предлагали самые различные варианты создания пенсионных и касс взаимовыручки для служащих на золотых промыслах. Выдвигались идеи создания общества взаимопомощи, схожего по структуре с обществом приказчиков в Иркутске, или создания простого общества на артельных началах, с небольшим на первое время капиталом и круговой порукой между участниками объединения [5].

Не дожидаясь, когда кассы вспомоществования будут созданы «сверху», приисковые служащие пытались их организовать собственными силами. Однако подобная инициатива служащих в редких случаях находила отклик у своего начальства. Только к концу XIX в. с возникновением крупных золотопромышленных компаний с большим штатом служащих, прежде всего в Восточ-

ной Сибири, вопрос о социальном страховании этой категории приисковых тружеников начал сдвигаться с мертвой точки и проекты устава пенсионных касс служащих на золотых промыслах стали утверждаться на самом высшем уровне.

В Ленском золотопромышленном товариществе с 1 ноября 1893 г. вступила в действие Подоходная касса, куда принимались вклады как рабочих, так и служащих от 25 руб. по 6 % годовых. На сентябрь 1895 г. среди вкладчиков кассы состояло 27 служащих (7,5 % от общего числа служебного персонала компании) с общим капиталом сбережений в 22 118,66 руб. [6]. И все же созданная касса еще не являлась пенсионной, что видно из ее названия.

Одной из первых золотопромышленных организаций начала разрабатывать устав пенсионной кассы своих служащих «Компания промышленности». Предполагалось, что пенсионные пособия будут получать те служащие, кто отслужил на этом предприятии не менее десяти лет. Для увеличения собранного капитала в 100 тыс. руб. планировалось использовать ежегодные отчисления из доходов компании и взносы из жалованья самих служащих в виде 2 % [7]. В итоге, 11 мая 1896 г. устав пенсионной кассы служащих «Компании промышленности» утвердил министр земледелия и государственных имуществ [8]. Все пенсии имели пожизненный характер и делились на определяемые размером жалованья служащих три разряда: 1-й равнялся 900 руб. годового жалованья служащих, 2-й достигал 600 руб. и 3-й составлял 300 руб. Для получения полного содержания пенсии необходимо было прослужить 20 лет, для 75 % оклада – 15 лет, и отслуживший на золотых промыслах компании 10 лет получал половину размера пенсии. Сама касса располагалась в Иркутске, а для управления делами кассы создавался комитет из 14 человек, 7 из которых назначались владельцами компании, а оставшиеся выбирались из среды приисковых служащих [9].

Еще одним важным источником пополнения пенсионной кассы только что названной золотопромышленной компании являлись пожертвования самих служащих, достигавшие нередко крупных размеров. Так, умерший в 1897 г. служащий «Компании промышленности» А. Н. Богословский завещал в пенсионную кассу 900 руб., сумму, равнявшуюся примерно годовому окладу служащего среднего звена (например, горного штейгера) на золотых промыслах Восточной Сибири [10].

Создание кассы вспомоществования «Компании промышленности» представлялось несомненно прогрессивным шагом в области социальной защиты служащих на сибирских золотых промыслах. В 1913 г. участники этой кассы, находясь уже на службе у «Лензолото», совместно с кассой служащих «Прибрежно-Витимской компании» приняли решение передать руководство всеми делами касс в ведение «Лензолото» и образовать единую пенсионную кассу служащих на приисках Ленского товарищества. Председателем комитета по управлению новой кассы избрали И. М. Гавриловича, одного из самых высокопоставленных служащих в администрации «Лензолото» [11].

В годы Первой мировой войны резко ухудшилось материальное положение основных работников золотодобывающей отрасли производства – рабочих и служащих. Подобная картина наблюдалась и на предприятиях Ленского золотопромышленного товарищества, где с каждым годом войны как экономическое положение служащих компании, так и степень их социальной защищенности постоянно ухудшались. Для выхода из подобной ситуации была создана специальная комиссия, состоявшая из приисковых служащих компании, которая, тщательно изучив положение служебного персонала на золотых промыслах предприятия, предложила для улучшения социальной защиты приисковых служащих ряд следующих мер: обязательное страхование служащих от несчастных случаев, замена сберегательной кассы на постоянно действующую пенсионную кассу, устройство потребительских обществ [12]. Однако подобная инициатива не нашла положительного отклика у руководства компании, старавшегося минимизировать любые расходы, и уровень социальной защищенности служащих даже в такой крупнейшей в дореволюционной России золотопромышленной фирме, как «Лензолото», находился в крайне плачевном состоянии.

На золотых промыслах в Западной Сибири вопрос о создании пенсионных касс для своих служащих не один раз стоял в повестке программ многих съездов золотопромышленников различных горных округов, входивших в состав Томского горного управления. Данный вопрос обсуждался уже на I съезде золотопромышленников Томского горного района, состоявшегося в декабре 1897 г. Золотопромышленник М. С. Фридман на этом съезде в своем выступлении настаивал на создании сразу нескольких обществ вспомоществования [13].

Сразу следует оговориться, что касса вспомоществования для служащих в Томском горном округе так и не возникла, впрочем, как и в других горных округах Западной Сибири. Одна из причин такого положения дел заключалась в меньшем количестве приисковых служащих по сравнению с золотыми промыслами Восточной Сибири. К тому же уровень жалования служащих на золотых промыслах, подведомственных Томскому горному управлению, уступал размеру жалования приисковых служащих восточной части Сибири, следовательно, меньше стоило ожидать поступлений в кассу от самих служащих. Основная тяжесть по организации капитала кассы ложилась бы в таком случае на золотопромышленников, что не могло устраивать последних. В качестве компромиссного варианта предлагалось создание общей кассы взаимопомощи на приисках в Западной Сибири, как для рабочих, так и для служащих. На III съезде золотопромышленников Южно-Енисейского горного округа в 1899 г. постановили создать такую же кассу, что и в «Компании промышленности», куда наряду со служащими могли входить и приисковые рабочие [14].

Несмотря на то, что устав названной кассы служащих на золотых промыслах в Южно-Енисейском горном округе был утвержден в 1905 г. министром земледелия и государственных имуществ, сама касса так и не вступила в активную фазу своего существования [15]. В 1907 г. на X съезде золотопромышленников южной части Енисейского округа председатель совета докладывал съезду, что одна из главных причин бездействия ссудо-сберегательной кассы заключается в отсутствии необходимого количества служащих золотых промыслов, располагающих достаточным опытом управления для ведения столь сложного дела, каким является названная касса. В качестве компромиссного варианта съезд предложил ходатайствовать о скорейшем открытии ссудо-сберегательной кассы при Южно-Енисейском почтовом отделении [16]. К сожалению приискового населения, касса так и не была создана. XII съезд золотопромышленников того же горного региона констатировал, что при общем упадке золотопромышленности в регионе и создании при Южно-Енисейском почтовом отделении сберегательной кассы открытие ссудо-сберегательной кассы служащих и рабочих будет несвоевременным и поэтому ее создание следует отложить до лучших времен [17].

Вопрос о необходимости создания ссудо-сберегательной кассы для приисковых служащих поднимался и на I Всероссийском

съезде золотопромышленников. Доклады по этому вопросу подготовили два человека, постоянные оппоненты: Л. Ф. Грауман и И. Н. Белозеров. Предложения первого из них сводились к организации пенсионных или вспомогательных касс служащих при съездах золотопромышленников и объединению порайонных касс в одно центральное учреждение [18]. Белозеров настаивал на создании правительственной кассы, общей для какого-нибудь золотопромышленного района, с обязательным участием как владельцев золотых промыслов, так и самих приисковых служащих [19].

Итак, можно прийти к выводу, что степень социальной защиты служащих на золотых промыслах в Сибири в XIX – начале XX вв. была невысокой. Появившиеся на рубеже XIX–XX вв. первые законы о пенсионном и социальном страховании промышленных работников не могли в полной мере предоставить служащим и рабочим ощущение социальной защищенности. Самодержавное государство в указанное время только начало решать так называемый «рабочий вопрос», медленно проводя в жизнь законопроекты по улучшению социально-правового положения работников промышленных предприятий, уделяя больше внимание рабочим и забывая о существовании служебного персонала тех же предприятий, который не относился к рабочему классу.

Частично компенсировать пробелы отечественного законодательства в данной сфере могли страховые и пенсионные кассы. Однако подобные кассы для служебного персонала имелись на ограниченном числе золотопромышленных предприятий. Инициатива создания подобных организаций, исходившая исключительно от самих служащих, редко находила отклик у руководства золотопромышленных компаний и их владельцев, стремившихся во всех расходах к режиму экономии, в том числе и по вопросу социального страхования своих работников.

Таким образом, ни государство, ни сами владельцы не стремились к обеспечению социальной защиты своих работников. Приисковые служащие не могли быть полностью уверенными, что не уволят без выплаты содержания, или полностью выдадут пособия при получении увечий. Все это накладывало отпечаток на моральный облик служебного персонала золотопромышленных предприятий, формируя у них неуверенность в завтрашнем дне и заставляя трудиться в золотопромышленной сфере покуда у них хватало сил, нередко до глубокой старости.

Примечания

1. Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. 23. С. 605.
2. Вестн. золотопромышленности и горного дела вообще. 1905. № 14. С. 386–388.
3. Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. 1-е. С. 868–882.
4. Там же. С. 872–873.
5. Вост. обозрение. 1897. № 13. С. 4.
6. Вестн. золотопромышленности. 1896. № 10. С. 206.
7. Вестн. золотопромышленности. 1894. № 129. С. 3.
8. Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. 16. Отд. 2. С. 146–150.
9. Там же. С. 147.
10. Вост. обозрение. 1897. № 89. С. 3.
11. Сибирь. 1913. № 121. С. 2.
12. Сибирь. 1916. № 71. С. 1.
13. Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф. 189. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.
14. Государственный архив Томской области (далее – ГАО). Ф. 433. Оп. 1. Д. 312. Л. 139–145.
15. Вестн. золотопромышленности и горного дела вообще. 1905. № 6. С. 6.
16. ГАО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 413. Л. 54.
17. Там же. Д. 437. Л. 99.
18. Первый всероссийский съезд золото- и платинопромышленников. СПб., 1907. Т. 1. С. 4.
19. Там же. С. 5.

**РЫКОВ П. В.,
ШЕХОВЦОВА Т. Н.**

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЦЭЗ БПТ И ПУТИ ИХ РАЗВИТИЯ

Сегодня, в условиях становления социально ориентированной рыночной экономики и постиндустриального общества, проблемы регионального развития и территориального планирования выходят на иной, качественно новый уровень своего развития. Приобретая новые формы, глубину и предопределяя сложность своего решения, они все отчетливее обнаруживают тесную взаимосвязь с совершенствованием систем расселения разного таксономического уровня, ростом эффективности системы управления, созданием благоприятных условий для жизнедеятельности населения как страны в целом, так и отдельных ее территорий (регионов, муниципальных образований).

В этой связи важный научный и прикладной характер приобретает одно из традиционных направлений социально-географических исследований – изучение территориальных сис-